

ЭНДРЮ ГЁМЁРИ

17

**ГЛАВНЫХ
МИЛЛИАРДЕРОВ
XX ВЕКА**

Эндрю Гёмёри 17 главных миллиардеров XX века

Текст предоставлен правообладателем

http://www.litres.ru/pages/biblio_book/?art=26914781

17 главных миллиардеров XX века / Эндрю Гёмёри: Алгоритм; Москва;

2017

ISBN 978-5-906995-07-0

Аннотация

Ротшильды, Рокфеллеры, Крупп, Мицуи, Форд, Дассо, Онассис... Семнадцать историй о тех, кто в середине прошлого века входил в топ-10 сверхбогачей мира и навечно утратил свои позиции в современном списке миллиардеров. Причина в том, что за прошедшие 50 лет путь к сверх богатству радикально изменился. Книга рассказывает о том, как зарабатывали миллиарды и становились тайными хозяевами мира в XX веке.

Содержание

Ротшильды – пять золотых стрел	4
Конец ознакомительного фрагмента.	45

Эндрю Гёмёри

17 главных миллиардеров XX века

Ротшильды – пять золотых стрел

Красная вывеска. – Против Наполеона. – На вершинах могущества. – Суэцкий заем. – Крах «Кредитаништалт». – Авантюра с Гиммлером. – Возрождение клана

Банкирский дом Ротшильдов просуществовал полтора столетия, прежде чем открыл свой филиал в Швейцарии, в этом, так сказать, финансовом центре мира. Впрочем, в истории династии Ротшильдов этот факт не играет какой-то заметной роли: просто он символизирует, что в семидесятых годах XX века Ротшильды вновь вступили на путь расширения своего финансового влияния в мире. Но уже в начале пятидесятых годов стало очевидно, что окруженный легендами банкирский клан оправился от потрясений, причиненных Второй мировой войной, и снова занял свое место среди наиболее влиятельных банкирских домов мира.

Когда-то о потомках первых Ротшильдов ходила поговорка, что младенцы в этом роду появляются на свет сразу в

150-летнем возрасте и 150-кратными миллионерами. Цифры эти, возможно, не очень точны, но они символизируют одно – и это соответствует действительности, – что «финансовый стиль» Ротшильдов традиционен и аристократичен. Ведь известно, что цюрихский филиал фирмы, например, согласен принять в число своих клиентов только лиц, имеющих капитал не меньше, чем 1 млн швейц. франков.

По семейному «балансу» клана, во всяком случае, можно с уверенностью сказать, что этот стиль выдержал все испытания экономических и политических катастроф и потрясений. И поныне в руках Ротшильдов находится крупнейший банк Франции. Английская ветвь клана Ротшильдов тоже владеет самым влиятельным частным банком Великобритании.

Собственностью французской ветви династии Ротшильдов был также и крупнейший железнодорожный комплекс Франции «Компани дю Нор», после национализации которого ротшильдовский банк в виде компенсации получил 270 тыс. французских государственных акций. К тому же в собственности клана и после национализации сохранились многие предприятия. В руках Ротшильдов остался и крупнейший горнодобывающий концерн «Ле Никель» и не менее богатая компания «Пеньярройя». Значительные финансовые интересы Ротшильды имеют в нефтяном тресте «Ройял датч – Шелл», в горнорудной монополии «Рио Тинто» и в тресте «Де Бирс», занимающемся добычей алмазов.

В последние двадцать лет Ротшильды финансировали деятельность нескольких крупных экономических проектов. Их объединяет находящаяся под контролем династии «Компани финансьер». К числу крупнейших из них относятся и предприятия по добыче никеля в Сахаре, и нефтеперерабатывающий трест «Антар», который впоследствии был продан Ротшильдами французскому государству, и долевое участие в создании горнорудных предприятий по добыче золота, урана, железа, магнетита на территории ряда африканских стран, и капиталовложения в строительство и эксплуатацию центра туризма на всем юге Франции – от Шамони до Средиземноморского побережья.

Не в последнюю очередь все это означает и активное влияние Ротшильдов на политику страны. Так, Рене Мейер в 1938 году, будучи генеральным директором у Ротшильда, вел переговоры с французским правительством относительно национализации принадлежавших Ротшильду железных дорог, а после Второй мировой войны сам несколько раз возглавлял сначала правительство Франции, а позднее Европейское объединение угля и стали, впоследствии переросшее в западноевропейский «Общий рынок».

Принадлежал к числу советников де Голля и Помпиду, перешедший в свое время в окружение генерала с поста генерального директора фирмы Ротшильда. Позднее он тоже встал во главе сначала французского правительства, а затем – французского государства.

Клан Ротшильдов ведет свою родословную из Франкфурта-на-Майне в Германии. Предки основателя династии Ротшильдов Майера Ротшильда жили на протяжении многих поколений в убогом доме на перегородженной с обеих сторон Юденгассе (еврейской улице), где возле запиравших вход и выход тяжелых цепей стояла стража. На углу дома болталась на цепочке красная табличка (по-немецки – «ротшильд»), от названия которой семья, обитавшая в этом доме, и получила свое прозвище-фамилию. Молодой Майер Ротшильд обучался ремеслу в городе Ганновере (Северная Германия), поскольку в этом городе власти были более снисходительны, чем во Франкфурте, к обитателям еврейского гетто. А когда после нескольких лет, проведенных в качестве ученика в банкирском доме Оппенгеймеров, Майер Ротшильд в 1764 году возвратился домой, во Франкфурт, здесь ему сразу же напомнили, что, согласно закону Франкфурта, каждый мальчишка на улице может крикнуть ему: «Жид, знай свое место!». И он должен был, втянув голову в плечи, пробираться по улице, робко прижимаясь к стене и сняв с головы островерхий колпак. За время, пока он учился в Ганновере, семья его во Франкфурте окончательно обеднела и жила уже не на «богатом конце» Юденгассе и не в доме под красной вывеской, а в ветхой сырой лачуге, где, по тогдашним обычаям, с карниза свисала сковорода на цепочке, и дом этот так и назывался – «дом под сковородой».

В этом-то доме, темном и жалком, и открыл свою малень-

кую фирму Майер Ротшильд. Сначала он держал торговлю старинными монетами, сам составлял каталоги и развозил эти монеты по заказу из одного германского княжества в другое. Так у него возникли связи с аристократами, которые тогда повально увлекались коллекционированием старинных денег, в том числе и с герцогом Вильгельмом, владельцем герцогства Ханау. Герцог купил у него сразу несколько монет. Это был первый «гешефт» Ротшильда с главой иностранного государства.

Вскоре в «доме под сковородой» Майер Ротшильд оборудовал уже некое подобие лавки денежного менялы, где проезжие купцы могли поменять деньги одних германских княжеств на валюту других. Так возник первый банк фирмы Ротшильдов – в комнатухе в 4 кв. м. Доходы от обмена иностранной валюты Майер Ротшильд использовал на расширение своей торговли старинными монетами. Он скупил несколько лавок, которые принадлежали попавшим в трудное положение менялам, вместе с запасом монет. С полученным таким путем «торговым запасом» он снова объехал все маленькие германские княжества и герцогства. Однажды во время вояжа в Веймар ему посчастливилось заключить сделку с покровителем самого Гёте – с герцогом Карлом-Августом.

Расширение деловых связей Ротшильда в конце концов привело к тому, что на стену «дома под сковородой» в 1769 году прибили новую вывеску. На ней уже красовался герб

герцогского дома Гессен-Ханау и надпись золотыми буквами внизу: «Майер Ротшильд, управляющий делами герцога Вильгельма, его высочества князя Ханау».

Управление делами герцога было делом доходным, да и сам Вильгельм тоже был довольно колоритной фигурой. Он доводился внуком английскому королю Георгу II, двоюродным братом Георгу III, шурином королю Швеции, а также был племянником короля Дании. Но не это было самым главным. Куда важнее было другое обстоятельство: он первым из немецких князей сочетал свою принадлежность к аристократии с предоставлением кредитов под ростовщические проценты, с грубым и наглым стяжательством.

Вскоре должниками Вильгельма оказались больше половины государей Европы. Кроме того, он научился превращать в золото даже кровь самих гессенцев. Его не знавшие милосердия и пощады унтер-офицеры умели вымуштровывать дисциплинированных и готовых на все наемников. И как только новая рота ландскнехтов заканчивала подготовку, герцог тотчас же продавал ее за большие деньги англичанам – для поддержания порядка в заморских колониях разрастающейся в то время Британской империи. Всякий раз, когда в дальней английской колонии убивали какого-то гессенского наемника, герцог Вильгельм получал за него большую денежную компенсацию. И очень скоро властелин крошечного герцогства сделался богатейшим феодалом в Европе, своего рода банкиром-ростовщиком, кредитором многих европей-

ских князей и королей. Постепенно в этот бизнес включился и Майер Ротшильд. Наряду с другими менялами и банкирами он время от времени получал от герцога Вильгельма поручения – взыскать тот или иной иностранный долг (разумеется, за соответствующее вознаграждение).

И вот пробил час, когда разбогатевшее семейство Ротшильдов смогло переселиться в новый дом – уже «под зеленой вывеской» – и стало вместо Ротшильдов называться Грюншильдами («грюн» по-немецки – зеленый). Некоторое время Ротшильды даже всерьез подумывали, не взять ли это их новое уличное прозвище в качестве фамилии, но потом все же решили остаться при старой фамилии. С ней они и вошли в историю.

Но этот постепенный прирост их богатства еще ничего не значил. На протяжении почти двадцати лет Майер Ротшильд платил подходящий налог всего лишь в 2 тыс. флоринов в год. Только в 1795 году придирчивые городские финансовые инспекторы увеличили размер налогов с Ротшильда до 15 тыс. А это, по понятиям франкфуртского гетто, означало самый высокий уровень богатства. В гетто, но не в финансовом мире германских княжеств.

Настоящий «финансовый взрыв» подготовил уже не сам Майер Ротшильд, а его пятеро сыновей, ставшие финансовыми воротилами Германии, Англии, Австрии, Италии и Франции.

Один биограф династии, немецкий граф Цезар Корти в

книге «Возвышение дома Ротшильдов» писал: «Каждый раз крушение какого-то государства приносило Ротшильдам новые богатства». Как мы увидим дальше, дело, конечно, обстояло гораздо сложнее. Однако факт остается фактом: первый «международный гешефт» удался пятерым Ротшильдам в 1804 году именно благодаря тому, что как раз совершенно разорилось Датское королевство. Король Дании приходился дядей к тому времени уже сказочно богатому герцогу Вильгельму. И Вильгельм решил дать своему дяде денег в займы. Но устроить все это он хотел так, чтобы его имя не фигурировало в сделке, в которой с должника взимаются огромные ростовщические проценты: ведь даже сказочно богатому герцогу-племяннику не пристало обирать до нитки своего угодившего на край финансового краха родного дядюшку-короля. И герцог перепоручил это дело пятерым братьям Ротшильдам. Для них это было своего рода международным дебютом, но в то же время и большим успехом дома. Это был первый случай, когда семейство Ротшильдов «на целый корпус» обошло банкиров Франкфурта, происходивших из старинных патрицианских родов, и те пришли в ярость от одного известия, что «миллионеры из гетто» ссужают под большие проценты самого датского короля.

После трюка с Данией дом Ротшильдов, казалось, был уже на верном пути к званию «придворного банкира герцога Вильгельма», считавшегося одним из богатейших европейских государей. И вдруг появление на европейской арене

Наполеона сокрушает этот столь благоприятно начавшийся «бизнес»! В 1806 году французская армия, захватив пол-Европы, заняла и Гессен. Герцог Вильгельм тоже был обращен в бегство. А ведь он был самым главным из покровителей Ротшильдов. К тому же один из пяти братьев Ротшильдов Натан застрял в Лондоне и таким образом был совсем отрезан от континента.

Однако министерство финансов Наполеона все равно не смогло одолеть семейство Ротшильдов. Должники лишившегося своего трона герцога Вильгельма формально были обязаны уплатить долги, собранные со всей Европы, французской казне. Однако четыре молодых Ротшильда вихрем промчались по немецким княжествам и герцогствам в экипажах с «двойным дном» и ухитрились под носом французских властей собрать золото с должников для герцога Вильгельма. Французская полиция, правда, вскоре появилась во франкфуртском гетто и перерыла весь дом «под зеленой вывеской». Но там полицейские нашли только старого, сгорбленного, с трясущимися руками «банкира», который занимался учетом векселей мелких кредиторов. Векселя же, выданные должниками герцогу Вильгельму, были спрятаны под двойным полом экипажей сыновей этого «банкира».

Понятно, что герцог Вильгельм не требовал, чтобы собранное для него с должников золото Ротшильды немедленно передавали ему. И сыновья старого Ротшильда стали подыскивать, куда бы повыгоднее вложить эти лежащие по-

ка без дела деньги. Таким выгодным «местом приложения капитала» оказалась континентальная блокада Англии, отчаянно боровшейся против Наполеона. В годы блокады Европа только контрабандой могла получать с Востока колониальные товары, пряности и всевозможное промышленное сырье. И с точки зрения организации такой регулярной контрабандной торговли то обстоятельство, что пятый сын Ротшильдов, Натан, застрял в Лондоне, являлось даже очень полезным для общего дела. Именно Натан и создал надежную сеть контрабандистов, которые проходили через любые кордоны наполеоновской блокады Англии и провозили на континент хлопок, шелк, табак, сахар, кофе и краситель для тканей – индиго. Настоящий поток этих товаров, необходимых для фабрик и потребителей Европы, хлынул на континент – разумеется, по фантастическим блокадным ценам. Таким образом, наполеоновская блокада пошла на пользу семейству Ротшильдов, вызвав рождение контрабандной торговли, организованной для ее прорыва.

Добытых за годы войны денег и установленных деловых связей теперь было достаточно, чтобы после крушения Наполеона Ротшильды занялись уже своей основной и отныне официально признанной деятельностью. Этот новый поворот в деятельности клана Ротшильдов организовал опять-таки Натан, теперь намеренно осевший в Лондоне. Он же дал и характеристику новому курсу: «Ротшильды оставили контрабанду и продают единственно стоящий товар – деньги».

Поскольку основным капиталом для организации контрабандной торговли являлись средства, тайком собранные ими для герцога Вильгельма с его должников, теперь встал новый вопрос, во что еще вложить скопившиеся у банкиров в условиях блокады огромные деньги. Натан Ротшильд и его четыре брата, оставшиеся на континенте, наладили между собой тайную переписку, с помощью которой братья решили, что будут играть на поражение Наполеона. Надо отдать должное их прозорливости: ведь это решение было принято ими еще в дни военных триумфов французского императора, когда ничто не предвещало его предстоящего падения.

Практическое значение этого решения состояло в том, что Ротшильды убедили герцога Вильгельма все свое состояние (около 20 млн долл. по нынешнему курсу, что в те времена считалось почти немислимо большим богатством) вложить в облигации английского государственного займа. Выполнять это решение поручили Натану Ротшильду, которому братья с помощью своих контрабандных связей смогли переправить эту гигантскую сумму в Англию. Натан же предпринял еще один «виток» в этой гонке за прибылью. Первоначально они поручили ему на все деньги герцога Вильгельма приобрести облигации английского государственного займа по курсу 72 фунта за облигацию. Английский же Ротшильд, дождавшись, когда в результате временных успехов Наполеона облигации английского государственного займа упадут в цене, скупил их значительно дешевле. Разницу он, разумеется, по-

ложил себе в карман.

К тому времени лондонский банк Ротшильдов сделался уже такой могущественной «финансовой державой», что операции с деньгами герцога Вильгельма его уже не устраивали. И Натан Ротшильд принялся присматривать себе «рыбу» покрупнее. А эта «крупная рыба» плавала у берегов Индии и называлась Ост-Индской компанией. Задача же Ротшильдов состояла только в том, чтобы перебросить золотой запас этой компании герцогу Веллингтону, армия которого в это время сражалась на Пиренейском полуострове. Дело это было не из легких. Сначала Натан Ротшильд на сумму в 800 тыс. фунтов (тогдашних фунтов!) купил золото у Ост-Индской компании, потому что знал, что английскому правительству золото позарез нужно для герцога Веллингтона. И он продал это золото правительству Англии с огромной прибылью. Однако англичане не знали, как же теперь перебросить это золото Веллингтону. Единственно возможный путь, конечно же, лежал через территорию Франции. Безрассудство? Но Ротшильды взялись за выполнение и этого поручения английского правительства, и в один миг Натан Ротшильд сделался банкиром английской армии.

Братья Ротшильды, находившиеся на континенте, решили эту задачу остроумно, тонко и с большой хитростью, которая и в дальнейшем тоже была характерна для них. Самый младший из Ротшильдов, Якоб, который впоследствии велел называть себя Джеймсом, неожиданно появился в Париже.

Ему еще не было и двадцати, и он ни слова не знал по-французски. Однако он с блеском выполнил стратегический план своих братьев, хитроумно обманув французские власти. Надо сказать, способ, к которому он прибег, был удивительно простым. Остальные четыре Ротшильда написали Джеймсу письма на его парижский адрес, в дом номер пять по улице Наполеон. В этих письмах Ротшильды притворно жаловались своему парижскому братцу, что они собирались вывезти золото из Англии в Испанию, но английское правительство наотрез отказало им, потому что боится такой утечкой золота ослабить государство. Ротшильды позаботились, чтобы их послания к брату в Париж попали в руки французской тайной полиции. И министерство финансов Франции загло-тило «наживку». Если англичане против того, чтобы золото уплывало из Англии, решили во французском министерстве, надо помочь этим бравым Ротшильдам, чтобы они все же смогли вывезти это свое жалкое золотишко...

Трюк с притворными письмами удался: правительство Наполеона действительно помогло Ротшильдам, чтобы английское золото в конце концов попало сначала в Испанию, а затем в руки Веллингтона. Золото беспрепятственно перевезли через Ла-Манш, оттуда Джеймс Ротшильд привез его в Париж, а Карл Ротшильд, впоследствии миллионер в Неаполе, с помощью французских банкиров переправил его уже дальше, через Пиренеи.

Конечно, дело было не лишено риска. В какой-то момент

начальник полиции города Кале во Франции даже заподозрил недоброе. Но его «подмазали». Потом стал требовать от своего правительства ордера на арест некоего Джеймса Ротшильда уже начальник полиции Парижа. Однако министерство финансов продолжало слепо верить притворным письмам к парижскому Ротшильду, и золото беспрепятственно продолжало поступать в армию Веллингтона.

К концу наполеоновских войн Ротшильды практически держали в своих руках финансовые связи не только английского правительства с Веллингтоном, но и между Англией и ее союзниками – Австрией, Пруссией и царской Россией.

Заключительный аккорд наполеоновской эпохи – битва под Ватерлоо – даровал Ротшильдам еще больший шанс. Битва под Ватерлоо, как известно, сделала Англию первой державой Европы, а Ротшильдов – первыми банкирами континента. Жирный «куш Ватерлоо» Ротшильдам удалось захватить потому, что во время наполеоновских войн пять братьев-банкиров для осуществления своих рискованных финансовых операций организовали не имевшую ранее примера в истории информационную и курьерскую службу. (Эта служба продолжала существовать в своей первоначальной форме для лондонской ветви Ротшильдов и после победы над Наполеоном, вплоть до Второй мировой войны!)

Информация вообще стоит денег, а что могло быть дороже информации об исходе битвы под Ватерлоо? Связь, надеюсь, здесь ясна, и лондонская биржа следила за ее исходом

со страхом. Если при Ватерлоо победит Наполеон, цены облигаций английского государственного займа начнут падать. Если же он проиграет сражение, империя его мгновенно рухнет, и бумаги подскочат в цене до небес.

19 июня 1815 года поздно вечером курьер Ротшильдов сел в порту Остенде на быстроходный корабль курьерской службы Ротшильдов, который, согласно законам банкирского дома, не имел права перевозить никого из «посторонних». Натан Ротшильд ночь на 19 июня провел на английском побережье Ла-Манша в одном из портов, в Фолкстоне, и на рассвете 20 июня уже знал от своего курьера, что Наполеон битву под Ватерлоо проиграл. Курьер Ротшильдов на восемь часов опередил всех остальных, даже курьера самого герцога Веллингтона.

А Натан Ротшильд первым делом сообщил о поражении Наполеона английскому правительству, после чего отправился на фондовую биржу. Всякий средней руки банкир, имея в руках такую информацию, принялся бы на все свои деньги скупать долговые бумаги английского государственного займа. Всякий, но не Натан Ротшильд! Он, наоборот, продал облигации английского государственного займа. В огромном количестве. Ни слова не говоря. Просто стоял на своем привычном месте на бирже у колонны, которая с тех пор так и называется – «колонна Ротшильда», и продавал, продавал... По бирже пронесся слух: «Ротшильд продает!» Значит, он что-то знает! Значит, битва при Ватерлоо

проиграна?! А лондонский Ротшильд продолжал выбрасывать на фондовый рынок все новые пакеты английских государственных бумаг. И лишь затем, выждав подходящий момент, когда государственные бумаги упали до самого низкого уровня, но биржа еще не проснулась, он одним махом все, что только что продал, скупил назад. Но уже за мизерную часть их номинальной стоимости. А несколько часов спустя до биржи дошло официальное сообщение о поражении Наполеона. И цена на облигации государственного займа Англии снова взвилась вверх. На недосягаемую высоту. Банкирский дом Ротшильдов загреб буквально бесчисленную прибыль.

Фредерик Мортон, один из летописцев династии, 140 лет спустя так комментировал эти события: «Не поддается учету, сколько замков, скаковых конюшен, картин Ватто, Рембрандта заработал он для своих потомков в этот день».

После падения Наполеона банкирский дом Ротшильдов осуществил выплату Лондону, Вене и Берлину французских репараций в сумме 120 млн ф. ст., разумеется, за жирные проценты. Через их же руки потекли финансовые средства, которые английское правительство предоставило Вене в качестве материальной компенсации за потери в войне против Наполеона. Поэтому в 1817 году венский императорский двор милостиво дал понять Ротшильдам, что они заслуживают награды. Надворный советник фон Ледерер, ведавший вручением императорских наград и поощрений, внес

предложение пожаловать Ротшильдам табакерку из золота с бриллиантовой монограммой императора на крышке. В ответ Ротшильды деликатно информировали двор, что бриллиантов у них своих предостаточно, лучше уж пусть им пожалуют дворянство. Правительство охнуло, но фон Ледерер посоветовал императору: «Учитывая, что братья Ротшильды – иудеи, определим их на самую низшую ступень дворянства». Так Ротшильды получили из Вены право писать свою фамилию с приставкой «фон».

Предложили братьям представить двору и проект своего фамильного герба. Братья были люди смелые и направили в императорскую канцелярию такой проект дворянского герба, которому могли позавидовать и наследные принцы. На этом гербе было все на свете – от орла до леопарда, от льва до пучка из пяти золотых стрел, зажатых в руке, которые символизировали единокровные пятерых братьев. Кроме того, они запроектировали вокруг герба нарисовать воинов с коронами на головах и в доспехах. Перепуганная «геральдическая канцелярия» написала министру финансов, что предлагаемый Ротшильдами проект герба нельзя утвердить, потому что, согласно законам геральдики, на гербе простых дворян не положено изображать ни короны, ни льва, ни орла. Затем чиновники канцелярии взялись за перья и исчеркали новый герб, изготовленный по заказу Ротшильдов за такие большие деньги.

Немногим позднее, 23 сентября 1822 года, банкирский

дом Ротшильдов предоставил Меттерниху личный заем в 900 тыс. золотых флоринов сроком на семь лет под очень льготные проценты. И сразу, через какие-то пять дней, императорским указом все пять братьев Ротшильдов были возведены в ранг баронов, а бюрократы из «геральдической канцелярии», скрежеща зубами, позволили изобразить на гербе все, что Ротшильды ранее изобразили на своем проекте герба: и орла, и льва, и боевой шлем.

Так что и по сей день герб, полученный милостью Меттерниха, красуется на бумаге для личной переписки членов банкирского дома Ротшильдов.

В Лондоне же в первые десятилетия после падения Наполеона и на многие поколения вперед интересы английского государства тесно переплелись с интересами Ротшильдов. (Банк Англии и ныне часть своих операций с золотом осуществляет через банкирский дом Ротшильдов. В лондонском офисе госбанка на третьем этаже сидят представители пяти крупнейших банкирских домов, в том числе и представитель банка Ротшильдов. Они-то и определяют на каждый день курс золота на английской бирже.)

Один из братьев Ротшильдов – Джеймс, обосновавшийся во Франции, главный герой трюка с контрабандой золота для Веллингтона, теперь занимал пост генерального консула Австрийской империи в Париже. В 1828 году он купил изумительный по красоте и богатству дворец министра полиции Наполеона Фуше на улице Лаффит. (Когда у него спросили,

почему он выбрал именно этот дворец, Джеймс Ротшильд отвечал: «Потому что этот самый Фуше вынюхивал мои следы в деле Веллингтона и чуть даже не арестовал»..) И по сей день этот дворец – верховная ставка Ротшильдов во Франции.

Поэт Гейне несколько раз бывал гостем в доме на улице Лаффит, но его свободолюбивый нрав не очень-то сносил всеобщее коленопреклонение перед золотым тельцом, и Гейне писал: «Наблюдал, как кланяются и унижаются перед ним люди. Изгибают свои позвоночники, как не смог бы ни один самый выдающийся акробат. Моисей, очутившись на святой земле, снял обувь. И я уверен, что эти деловые агенты тоже побежали бы во дворец босыми, если бы не побоялись, что запах их ног будет неуютен барону... Сегодня я видел, как один разодетый в золотую ливрею лакей шел с баронским ночным горшком по коридору. Какой-то биржевой спекулянт в это время стоял в коридоре. Перед столь важным сосудом сим он даже снял шляпу. Я запомнил имя этого человека, потому что со временем он непременно станет миллионером...».

Гейне не склонился перед золотым тельцом. Однажды Джеймс Ротшильд устраивал званый ужин для нескольких своих приятелей, тоже банкиров. После ужина он пригласил на кофе и коньяк и Гейне – наверняка для того, чтобы тот блеском своего остроумия развлекал банкиров. Но поэт вернул приглашение с такой припиской: «Милый господин ба-

рон, я имею обыкновение пить кофе после ужина там, где я поужинал...».

Ну, а Вена была, разумеется, особым случаем, учитывая, что здесь Ротшильды сталкивались с более строгими антиеврейскими законами и распоряжениями, чем в Англии или Франции. Евреям в Австрии не разрешалось иметь земельных владений, занимать государственные должности или выполнять политические поручения.

Засилье австрийской полиции было настолько сильным, что Ротшильды во избежание возможных неприятностей даже не пытались направить своего представителя на знаменитый Венский конгресс, созванный союзниками для обсуждения вопросов, связанных с победой над Наполеоном. В Лондоне и в Париже они уже были «королями», а в Вене еще не смели даже приблизиться к простому министру.

И все же и венские Ротшильды тоже пробились через сети бюрократических рогов австрийской монархии, нашли путь к всесильному Меттерниху и к украшенному короной и орлами баронскому гербу.

По поручению братьев Ротшильдов Соломон Ротшильд приехал в 1819 году в Вену. Ввиду «ограничительного закона» он не мог владеть здесь собственным домом и потому для начала снял комнату в гостинице «Римский император». Первым делом он организовал для австрийского правительства государственный заем в 50 млн флоринов. Заем этот с Ротшильдом в качестве гаранта имел колоссальный успех,

сам его инициатор заработал на нем 6 млн. Несколько миллионов заработал и венский двор. После этого государственного займа Соломон Ротшильд стал арендовать в «Римском императоре» уже целый этаж, затем – через несколько месяцев – еще один и так далее, пока наконец к нему не перешла в аренду вся гостиница. Хотя юридически быть домовладельцем он по-прежнему не имел права.

За успехом государственного займа последовало ловкое управление субсидиями, которые давали Вене английские банкиры. И наконец Ротшильд «провертывает» еще одно довольно деликатное «фамильное дело». Героиней этой истории явилась Мария-Луиза, дочь австрийского императора, отвергнутая жена Наполеона I. Венский конгресс признал Марию-Луизу «жертвой Наполеона» и подарил покинутой мужем австрийской принцессе Пармское герцогство, а Меттерних – аристократического возлюбленного в лице придворного фон Нейпперга. Вскоре принцесса сочеталась тайным браком с Нейппергом, настолько тайным, что детей от этого брака долгое время даже не регистрировали. Тем не менее дети были все же внуками австрийского императора, и потому Меттерних поручил Соломону Ротшильду потихоньку продать часть Пармского герцогства, а затем во что-нибудь повыгоднее вложить деньги, чтобы у внебрачных внуков понемногу образовалось хорошенькое наследство.

Ротшильд выполнил и это поручение, и с этого дня он уже совместно с Меттернихом, на правах его союзника, управлял

Австрией. Ну, а отсюда оставался всего лишь один шаг до вышеупомянутого золотого займа в 900 тыс. флоринов и до украшенного короной, орлом и львом баронского герба.

В 1835 году умер император Франц, и Меттерних, боясь, как бы паника на бирже не потрясла самые основы австрийской экономики и его личные позиции, снова обратился за помощью к Соломону Ротшильду. И тот вместе со своим парижским братцем Джеймсом Ротшильдом сделал во всеуслышание официальное предложение: если кто-то хотел бы продать облигации австрийского государственного займа, банкирские дома венских и парижских Ротшильдов готовы за любую, самую высокую цену их приобрести. Европейские биржи успокоились. Ротшильд еще раз оказал помощь переживавшему временные трудности Меттерниху. (Вот несколько строк из письма австрийского посла в Париже Меттерниху: «Должен признаться вам, господин канцлер, что в результате потрясающе сильного влияния банкирского дома Ротшильда была задушена в зародыше финансовая паника, которая уже начала было овладевать некоторыми нервными вкладчиками».) Вместе, плечом к плечу, Меттерних и Ротшильд стояли и в революционной буре 1848 года. (Меттерних писал тогда Соломону Ротшильду: «Если меня заберет черт, он утащит с собой и вас».)

13 марта вечером черт явился «забирать» Меттерниха: революционная толпа публично жгла его портреты на венских улицах. Двадцатью часами позже Меттерних спасся

бегством во Франкфурт. Здесь он положил в карман тысячу золотых флоринов, которые ему презентовал австрийский Ротшильд с помощью чека, выписанного на банкирский дом Ротшильдов во Франкфурте. А через несколько месяцев и в апартаменты Ротшильда в гостинице «Римский император» тоже вломилась разъяренная толпа, и Ротшильд также – по крайней мере на время – сбежал во Франкфурт.

Он был «абсолютным банкиром абсолютного канцлера», символом гнета династии Габсбургов. Ну а такие связи исключительно прочны. Ныне живущий потомок легендарного канцлера Меттерниха князь Меттерних каждый год посылает в Париж барону Эли Ротшильду ящик рейнского вина, а тот, в свою очередь, отвечает ему ящиком «Шато Лафит» из погребов известных всему миру виноградников. И путешествует не только вино. Западные журналы в рубрике «Общественная хроника» каждый год отмечают, что члены семей Ротшильда и Меттерниха посещают друг друга в их семейных замках.

В Риме в 1832 году появился даже едкий памфлет, который распространяли на улицах города. Текст его гласил: «Ротшильд только что поцеловал руку папы, а прощаясь, самым утонченным образом выразил удовлетворение деяниями наместника Святого Петра на земле. Не башмак Святейшего отца получил Ротшильд для поцелуя, а целый мизинец на руке, чтобы толстосуму не нужно было слишком низко склоняться в поклоне».

Злому памфлету предшествовало такое событие: четвертый (итальянский) из братьев Ротшильдов, Карл, в то время был еще владельцем крупнейшего банкирского дома в Неаполе. Через своих братьев Карл убедил Меттерниха, что австрийцы должны вывести свои войска из Неаполитанского королевства. Карл Ротшильд дал деньги тосканскому герцогу, чтобы осушить гигантские болота. Он же предоставил папе римскому заем для модернизации сельского хозяйства в его владениях. А папа Георгий XVI, приняв заем, не только дал возможность Ротшильду избежать слишком глубокого поклона, но и пожаловал итальянскому Ротшильду Большой крест ордена Святого Георгия.

В Германии между тем главой династии считали пятого из братьев – Амшеля Ротшильда. Он был глашатаем всего клана и обращался к правителям европейских стран за орденами и должностями консулов. Франкфуртский дом согласовывал всю международную стратегию династии. Не было ни одного капиталовложения на землях между Рейном и Дунаем, к которому не приложил бы руку Амшель. Сотни немецких заводов, железных дорог и шоссе в проектах родились сначала в комнатах франкфуртского дома Ротшильдов. А в саду этого дома уже давно был частым избранным гостем молодой пруссак, которому впоследствии суждено было стать канцлером Германской империи, – Отто фон Бисмарк. В 1851 году, когда Пруссия послала Бисмарка своим представителем на всегерманскую конференцию, Амшель стал каз-

начеем «федерации германских государств», и это (как пишет один из его биографов Маркус Эли Раваж в книге «Пять человек из Франкфурта») означало, в известном смысле, что он стал министром финансов позднее родившейся из «федерации» Германской империи.

Из Франкфурта направлялась и династическая «политика браков» клана Ротшильдов. Согласно «конституции клана», сыновья из дома Ротшильдов должны были жениться на девицах из отдаленных ветвей Ротшильдов же, а девушки из дома Ротшильдов должны были по возможности выходить замуж за аристократов. В Лондоне дочь Натана Ротшильда стала женой лорда Саутгемптона. Одна его племянница, тоже из дома французских Ротшильдов, – супругой графа Розбери. Позднее ее муж стал премьер-министром Британской империи. Девушка из дома неаполитанских Ротшильдов вышла замуж за герцога де Грамона, а ее сестра – за герцога Ваграмского.

Третий брачный закон дома Ротшильдов предписывал: все свадьбы должны были игратья во франкфуртском доме. И аристократы, бравшие в жены девиц из дома Ротшильдов, вынуждены были подчиняться этим неудобным правилам. Роскошные кареты, как правило, не умещались на узких улочках еврейского гетто, и гости пешком плелись по булыжным улицам, а шлейфы дам мели пыльную мостовую. Этот закон оставался в силе вплоть до того самого времени, когда Амшель Ротшильд умер в возрасте 80 лет.

В том, что история дома Ротшильдов так переплелась с историей Европы в ее важнейших поворотах, огромную роль играло умение Ротшильдов быстро собирать информацию. А если надо – и распространять дезинформацию. Лучше всего это демонстрирует пример с курьером, сообщившим об исходе битвы при Ватерлоо.

В феврале 1820 года Ротшильды первыми узнали, что перед зданием парижской оперы был убит единственный наследник французского короля Людовика XVIII. С ним вместе умерли надежды Бурбонов возвратиться на трон. Гонцы Джеймса Ротшильда первыми примчались в Лондон, Вену, Франкфурт и Неаполь, и Ротшильды смогли с пользой для себя разыграть на биржах крах престолонаследия Бурбонов еще до того, как правительство или конкуренты Ротшильдов получили сведения о происшедшем.

Десять лет спустя парижские Ротшильды с помощью специально выращенных почтовых голубей быстрее всех сообщили своим братьям – владельцам банковских домов в разных странах известие о начале Июльской революции во Франции. В Англии лондонский банкирский дом Ротшильдов узнал раньше английского правительства о том, что на французский трон вступил Луи-Филипп. Крупнейшая фигура в европейской дипломатии Талейран так писал об этом в письме, которое он отправил сестре Луи-Филиппа: «Ротшильды всегда на 10–12 часов раньше королевских послов информируют английское правительство о событиях. Это

происходит потому, что курьеры Ротшильдов пользуются специальными морскими судами, которые не имеют права перевозить никого, кроме этих курьеров, и отправляются в путешествие через Ла-Манш независимо от погоды».

В книге «Ротшильды: семейный портрет» историк Ф. Мортон пишет, что курьерская связь Ротшильдов была надежнее, чем у любой великой державы. Поэтому часто случалось, что послы Англии, Франции, Испании, аккредитованные в различных европейских государствах, доверяли им и свою посольскую почту. Тайная полиция Австрии докладывала канцлеру Меттерниху (а тот отмечал для себя), что курьеры из Неаполя в Париж следуют через город Пьяченца. «Здесь находится австрийский гарнизон, и потому, – гласило полицейское донесение, – может быть, нужно попытаться уговорить курьеров, чтобы они предъявляли нам перевозимые ими письма для просмотра».

Дружба Меттерниха с Ротшильдами, разумеется, не помешала канцлеру Австрии отдать приказ об обыске курьеров, а Ротшильдам, со своей стороны, – обманывать канцлера. Меттерних дал указание австрийским гарнизонам в Италии: считать курьеров Ротшильда «официальными австрийскими курьерами», только если они везут письма, запечатанные императорской печатью. В других случаях все письма распечатывать и подвергать цензуре. Ротшильды на этот приказ канцлера ответили созданием второй, параллельной курьерской сети. У курьеров этой сети не было иной задачи,

как позволить себя задержать и дать проверить находившуюся при них почту. На их глазах письма вскрывались, но в них, разумеется, содержалась дезинформация. Австрийская же полиция прилежно пересылала эту дезинформацию Меттерниху.

Стоит ли удивляться после всего этого, что в 1870 году Наполеон III с помощью французских и английских Ротшильдов пытался выяснить: согласно ли английское правительство оказать Франции помощь в случае нападения на нее Пруссии? Лондонский Ротшильд вместе с английским премьер-министром Гладстоном появился на аудиенции у английской королевы Виктории в Виндзорском замке. После этой аудиенции английское правительство приняло решение не оказывать Франции помощь. Так французские Ротшильды раньше, чем сам Наполеон III, узнали, что в 1870 году начнется франко-прусская война. И, разумеется, в соответствии с этим направляли свою финансовую политику.

После крушения Франции император Вильгельм I, Мольтке и Бисмарк разместили свою ставку верховного командования в одном из замков Ротшильда во Франции, в Ферри. Император обошел вокруг весь замок, сад, конюшни, оранжереи и в заключение сказал: «Король такого богатства не сможет оплатить. На это способен только Ротшильд».

Ротшильды стояли и у колыбели Британской империи. К 1860 году Ротшильды возвели в Лондоне свой городской дворец по соседству с дворцом герцога Веллингтона, на ули-

це Пикадилли, 148. 14 ноября 1875 года здесь ужинал Дизраэли, премьер-министр Англии. Во время ужина слуга на серебряном подносе подал сэру Лайонелу Ротшильду, тогдашнему главе лондонского банкирского дома Ротшильдов, послание, отправленное одним из тайных агентов парижских Ротшильдов. Лайонел прочитал его гостю. Суть послания состояла в том, что запутавшийся в долгах хедив, правитель Египта, предложил французам составлявшие собственность Египта акции Суэцкого канала. Но хедив недоволен ценой, которую готово заплатить за эти акции правительство в Париже. Суэцкий канал являлся, разумеется, и в то время одним из важнейших стратегических, торговых и политических мировых путей. И англичане уже давно мечтали положить на него свою руку, но им никак не удавалось вынудить к переговорам хедива. Сообщение шпионов парижским Ротшильдам означало, что сейчас такой случай представился. Как писали современники, Дизраэли только спросил у Лайонела Ротшильда: «И сколько же египтяне хотят?». После этого оба поднялись от стола и пошли телеграфировать в Париж. Пока в библиотеке был подан коньяк, от парижских Ротшильдов уже прибыл ответ: хедив просит 4 млн фунтов (по тогдашнему курсу – 44 млн долл.).

На другой же день политическая машина, хотя и не без скрипа, пришла в движение. Парламент как раз находился на каникулах, а закон запрещал Банку Англии предоставлять займы в перерывах между парламентскими сессиями. И

вообще руководители банка сказали лорду Дизраэли: такой большой заем – в 4 млн фунтов – они не смогут выдать сразу, в одной сумме, не подвергнув потрясению лондонскую денежную биржу. Дизраэли же знал, что все зависит сейчас от быстроты, почти молниеносности действий. Сначала он попросил аудиенции у королевы Виктории, потом созвал заседание совета министров. После получасового совещания премьер появился из зала заседаний и ожидавшему в передней своему секретарю сказал только: «Да».

Секретарь знал: речь идет о том, что кабинет уполномочил Дизраэли просить заем на покупку Суэцкого канала не у Банка Англии, а у Ротшильдов. «Когда секретарь премьер-министра вошел в комнату, – пишет биограф Ротшильдов Ф. Мортон, – Лайонел Ротшильд, сидя в кресле, ел мускатный виноград. Он продолжал лакомиться виноградом и когда посланец Дизраэли сказал ему, что английское правительство очень хотело бы завтра к утру получить займы 4 млн фунтов. Секунды две Лайонел молча разжевывал виноградные ягоды, а затем, выплюнув зернышки, сказал: „Ну что ж, получит“».

Двумя днями позже лондонская «Таймс» заявила, что банкирский дом Ротшильдов перевел на счет египетского хедива 4 млн фунтов и тем самым дал возможность правительству ее величества приобрести 177 тыс. акций, ранее находившихся в руках правителей Египта. А это давало Великобритании право контроля над Суэцким каналом. 24 ноября

1875 года Дизраэли отправил восторженное письмо королеве Виктории: «Он – ваш, мадам, ваш! Мы переиграли французское правительство. Четыре миллиона фунтов стерлингов, и причем немедленно! Это могла сделать только одна фирма в мире – Ротшильды!».

Десятки других подобных эпизодов украшают историю Ротшильдов. В опубликованной перед Первой мировой войной статистике говорилось, что лондонский банкирский дом Ротшильдов финансировал 18 глав правительств в различных странах мира. Сумма предоставленных им кредитов по нынешнему курсу составила 30 млрд долл. Супруга австрийского императора Франца-Иосифа Елизавета последние дни своей жизни провела на вилле Ротшильдов близ Женевского озера, где ее и сразил кинжал анархиста. Королева Англии Виктория была постоянной гостьей во дворцах Ротшильдов, и каждое лето несколько недель ее семейство отдыхало в их замках на юге Франции. (В дневниках одного из братьев Ротшильдов содержится запись о том, как баронесса Алиса Ротшильд однажды даже прикрикнула на английскую королеву: «Немедленно сойдите с газона, вы же топчете мои цветы!».) Виктория послушно отошла от несчастных цветов.)

Это была вершина – и здесь мало что изменил даже тот факт, что со временем из пяти банкирских домов Ротшильдов выжили только три. Состоялось объединение Италии, и связанный с неаполитанским королевским двором банкирский дом Ротшильдов закрыл свои двери. Со смертью в 1901

году во Франкфурте последнего мужчины в роду отмерла немецкая ветвь фамильного древа, и тамошний банкирский дом прекратил существование. (Однако по женской линии вплоть до прихода к власти Гитлера франкфуртский банкирский дом Ротшильдов еще функционировал, хотя прежнего своего значения он уже не приобрел. Дочь последнего франкфуртского Ротшильда вышла замуж за банкира Гольдшмидта, и банк стал называться «Банкирский дом Ротшильд – Гольдшмидт».)

Первая мировая война означала для Ротшильдов относительное падение их влияния в финансовом мире. Биографы династии считают, что основная экономико-политическая причина этого состоит в том, что-де с Первой мировой войны всемирно-политическую роль завоевывают Соединенные Штаты Америки, а значит, и американские финансовые воротилы, капиталисты и банкиры. Фактом является то, что во время Первой мировой войны каждый из Ротшильдов поддерживал именно то правительство, в столице которого размещался его «штаб». В этой войне нового типа уже не было возможности координации действий между разными домами Ротшильдов, а тем более для «романтической» деятельности их шпионской и курьерской служб. Но и в этот своеобразный период истории события иногда имели комический оттенок. Жена барона Мориса де Ротшильда, главы французского банкирского дома, отправилась отдыхать от военных лишений в Швейцарию, в Санкт-Мориц. Остановилась

банкирша в легендарном и поныне отеле «Палас», дирекция которого заверила баронессу, что в гостинице нет немцев. И вдруг за ужином мадам Ротшильд попала на глаза жена одного немецкого владельца фабрик шампанского, которая также отдыхала от тягот войны в этой же фешенебельной гостинице. Супруга Ротшильда, забыв о том, что ее семейство родом из Франкфурта, иначе говоря, из Германии, возмущенно вскричала: «Видеть не могу этих немцев!» – и покинула гостиницу, поклявшись, что она больше ни ногой в Санкт-Мориц.

Но у Ротшильдов даже и обида – это тоже бизнес: сторяя от желания отомстить, баронесса уговорила мужа построить новый, свой собственный фешенебельный курорт в живописных французских Альпах, возле городка Межев. Сегодня это один из самых дорогих зимних французских курортов и бриллиант в ряду авуаров банка Ротшильдов. Ф. Мортон говорит об этом так: «Когда в 1918 году орудия смолкли, ничто уже не осталось тем же самым, чем было в начале войны. Изменились даже Ротшильды».

В истории династии это, разумеется, не означало ничего иного, кроме того, что Ротшильды стали немного скромнее. Но банкирский дом, как и прежде, действовал на полную мощь. Богатства его остались нетронутыми, предприятия продолжали приносить фантастические прибыли, и всю разницу по сравнению с довоенными временами можно было, пожалуй, суммировать так: на новом этапе монополь-

ный капитал Ротшильдов уже не оказывал такого решающего влияния на поворотные моменты всемирной политики, как, скажем, во времена битвы при Ватерлоо или займа на покупку Суэцкого канала.

Размаху деятельности австрийского дома Ротшильдов, разумеется, мешало то обстоятельство, что если в 1914 году венские Ротшильды еще были главенствующими банкирами могущественной великой державы, в 1918 году, с распадом австро-венгерской монархии, их деятельность ограничилась только маленькой Австрией.

Теперь уже в первую очередь все зависело от тесного сотрудничества всех Ротшильдов – английских, французских и австрийских – в сфере главным образом финансовых спекуляций. Лидером в этих маневрах был и остается до наших дней, можно сказать, исключительно влиятельный представитель французского дома Ротшильдов барон Эдуард Ротшильд, член правления французского национального банка.

Теперь Ротшильды решили создать международный банковский синдикат, щупальца которого тянулись от Луи Ротшильда с его венским банком «Кредитанштальт» до банкирского дома Морганов в Нью-Йорке. Международные валютные спекуляции приносили огромные прибыли всему клану Ротшильдов все время – вплоть до наступления всемирного кризиса 1929 года. Особенно сильно кризис затронул положение австрийских Ротшильдов. В 1930 году самый значительный в то время сельскохозяйственный кредитный банк

Австрии «Боден-кредитанштальт» оказался на грани краха, и австрийский канцлер лично отправился к Луи Ротшильду просить принять на свой баланс долги пошатнувшегося банка. Ротшильд внял просьбе канцлера, но в условиях всемирного кризиса эта спасательная акция настолько обременила сальдо частного банка, что через год он и сам вынужден был прекратить платежи. Крах банка «Кредитанштальт» означал, собственно говоря, покотившуюся теперь лавиной великую экономическую депрессию в Центральной Европе, начавшуюся еще в 1929 году. Крах обошелся австрийским Ротшильдам в 30 млн золотых шилл., а австрийскому правительству, предоставившему банку субсидии, – по меньшей мере вдвое больше!

Но Луи Ротшильд и после краха банка «Кредитанштальт» оставался самым богатым человеком в Австрии. Венский банк Ротшильдов этот крах не потряс. Ведь австрийские Ротшильды были еще и крупнейшими помещиками Центральной Европы.

Опасности для них надвигались совсем с другой стороны: к западу от австрийской границы в эти годы уже все громче топали сапоги нацистских штурмовых отрядов, и было ясно, что и венских Ротшильдов ждут определенные испытания – не потому, что они банкиры, но потому, что они евреи.

Впрочем, легендарный аппарат ротшильдовских курьеров в делах семейных продолжал существовать и функционировать, и банкирский дом французских Ротшильдов буквально

за день до предстоящего «аншлюса» (присоединения к Германии) теперь уже маленькой страны – Австрии известил об этом Луи Ротшильда. Французские родичи советовали Луи Ротшильду немедленно покинуть Австрию. Но барон был великим сибаритом и явился (разумеется, в сопровождении лакея) с билетом на самолет на венский аэродром только на следующий день.

Однако прежде чем ему удалось сесть в самолет на Цюрих, два нацистских охранника опознали его и отобрали у него и билет, и заграничный паспорт. А двумя днями позднее эсэсовцы появились во дворце барона Ротшильда, чтобы предложить «следовать за ними». С этого момента началась трагикомедия отношений между нацистами и венскими Ротшильдами – характерный образчик глубокого почтения и уважения Гитлера к капиталистическим тузам.

Барон Луи Ротшильд отвечал эсэсовцам, что он с радостью последует за ними, но прежде хотел бы поужинать. Штурмовики, которые не очень-то привыкли к такого рода пожеланиям, на сей раз, как видно, получили специальное указание, потому что терпеливо стояли возле стола, накрытого белой дамаской скатертью, и ждали, пока три лакея подадут барону ужин, а затем он не спеша омоет ароматной водой пальцы, выкурит после ужина привычную сигару, примет предписанные ему лекарства. Только после этого барон в сопровождении эсэсовцев покинул свой дворец.

Луи Ротшильда привели к начальнику новой австрийской

полицей, которую теперь возглавили нацисты. Здесь, как рассказывают биографы, между ними состоялся такой диалог: «Словом, вы и есть Ротшильд? Ну, и как вы богаты, если быть точным?». Барон Луи на это ответил, что прошло бы несколько дней, пока его бухгалтеры на основании сводок всемирных фондовых бирж и складов сырья смогли бы определить истинные размеры его состояния на данный момент. «Ну хорошо, – сказал начальник полиции, – тогда скажите мне хотя бы, какова стоимость вашего венского дворца вместе с находящимися там сокровищами искусства?». На это Ротшильд отвечал так: «А сколько стоит венский собор Святого Стефана?».

На этом моменте начальник полиции прекратил допрос и велел сунуть барона в камеру. Но барон недолго оставался там. Вскоре его доставили в венское управление гестапо, где поместили в каморку рядом с лишенным своего поста бывшим австрийским канцлером Шушнигом.

Отныне не могло быть и речи о том, чтобы барону Ротшильду угрожала какая-нибудь физическая опасность. Сам всемогущий Герман Геринг отправил в Швейцарию специального уполномоченного, некоего Отто Вебера, чтобы сообщить цюрихскому представителю Ротшильдов условия нацистов. Барона Луи отпустят, сказал Вебер, если маршал Геринг получит за эту любезность 200 тыс. долл. (разумеется, не в марках, а в долларах, депонированных на его имя в одном из сейфов швейцарского банка). А гитлеровская

империя получит все имущество австрийских Ротшильдов, включая сталелитейный завод в Витковице, в Чехословакии. Уполномоченные Ротшильдов в Цюрихе торговались упорно. Они сообщили удивленному представителю Геринга, что Ротшильды уже двумя годами раньше тайно продали большую часть акций завода в Витковице англичанам. Однако они готовы передать Берлину в обмен на предоставление свободы барону Луи имущество австрийского дома Ротшильдов. Завод в Витковице Геринг может получить только после того, как барон Луи прибудет за границу, а нацисты выплатят английским Ротшильдам 3 млн ф. ст.

Торг затянулся. Правда, тем временем нацисты уже оккупировали Чехословакию, но завод в Витковице, принадлежавший теперь уже англичанам, еще не перешел в руки немцев.

В разгар торга в комнату Ротшильда в ставке гестапо однажды явился сам кровавый палач Генрих Гиммлер, грозный рейхсфюрер СС. Целый час они торговались об условиях, но барон Ротшильд так и не уступил. Гиммлер ушел несолоно хлебавши, а через час появились грузчики, присланные руководством СС. Они внесли в комнату напольные часы времен Людовика XIV и никак с ними не гармонирующую огромную китайскую вазу, а кровать в комнатике арестанта накрыли оранжевым бархатом. Тем самым Гиммлер давал понять барону, что ему еще долго придется оставаться заложником в ставке венского гестапо. Однако барон

Луи Ротшильд, который совершенно точно знал, что он и для фашистских убийц не простой узник, наорал на эсэсовцев: «Вынесите отсюда эту кучу безвкусицы!».

На другой день люди Гиммлера сообщили барону, что Гиммлер принимает условия Ротшильда и тот может немедленно уехать за границу. И тут-то Луи Ротшильд еще больше удивил венское гестапо. Он заявил, что сейчас уже вечер, 11 часов, и он не может заставлять своих венских друзей, чтобы они так поздно занимались им, а потому он желает и эту ночь провести в ставке гестапо. В истории гестапо таких примеров еще не было, поэтому тюремщикам пришлось по телефону запрашивать специальные инструкции из Берлина.

Последнюю ночь в венском гестапо барон Луи Ротшильд провел уже в качестве гостя. А спустя еще два дня он пересек швейцарскую границу. В июле 1939 года немцы сообщили, что они в соответствии с договоренностью согласны перевести в лондонский банк Ротшильдов 3 млн ф. ст. за акции завода в Витковице. Однако британское правительство вступило в войну до того, как деньги нацистов поступили в Лондон...

В Париже венская трагикомедия не повторилась, потому что французские Ротшильды заблаговременно укатили, кто – в Лондон, кто – в Соединенные Штаты. Однако и в Лондоне они продолжали плести ту же самую золотую паутину, которая явилась источником нынешнего могущества и связей современных французских Ротшильдов. Один из молодых

членов семьи французских Ротшильдов – Ги де Ротшильд в Лондоне примкнул к генералу де Голлю и на службе у него выполнил несколько секретных поручений. К концу войны он был адъютантом военного коменданта Парижа. (Кстати сказать, дом № 107 на Пикадилли, где во время войны размещался «Клуб офицеров свободной Франции», являлся собственностью английских Ротшильдов.)

Но если самих Ротшильдов нацисты и не схватили в Париже, то имуществом их все же завладели. Правда, часть картин и других произведений искусства Ротшильдам удалось переправить в испанское и аргентинское посольства, многие ценности спрятали в Лувре, чтобы они там были под соответствующей защитой как «национальное достояние Франции». Но Лувр оказался плохой защитой, потому что по настоянию Геринга Гитлер издал специальный приказ, которым аннулировал документы о передаче имущества Ротшильдов Лувру и оставлял за собой право распоряжаться сокровищами Ротшильдов.

После войны было установлено, что во Франции нацисты разворовали в целом по стране 203 частные коллекции, насчитывавшие около 16 тыс. предметов искусства. Из этого числа больше 4 тыс. принадлежало Ротшильдам. После войны сокровища Ротшильдов на специальных поездах свозили обратно в Париж. На товарных станциях доверенные эмиссары семейства ожидали прибытия поездов и сортировали картины, скульптуры и гобелены, определяя, какому из чле-

нов семьи они принадлежат, из какого дворца в свое время их вывезли.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.